— Это своего рода секрет. Не так ли, Деку? — спросил я.

Деку кивнул в знак согласия.

— Но если ты поспрашиваешь в учительской, то легко узнаешь, — сказал я, уверенно улыбаясь.

Ученики вопросительно посмотрели на меня, и я добавил: — Не смотрите так на меня. Он даже мне не сказал. Как я уже упоминал. Важные секреты. Если хотите узнать, идите и спросите в кабинете. Впрочем, мое мнение, — сказал я, подняв руку и прошептав, — он, скорее всего, поздно расцветает

Все понимающе кивнули, но некоторые все равно выглядели так, словно собирались пойти и спросить в кабинете учителя.

— Это мы еще посмотрим. Теперь о тебе, Бакуго. Почему ты напал на Шикимори? — снова спросил Айзава-сенсей.

— Он первый напал на меня! — пожаловался Бакуго.

— Нет, я этого не делал. Не лги, Бакуго. Тебе это не идет, — сказал я.

— Кто-нибудь видел, как Шикимори напал на Бакуго? — спросил Айзава-сенсей.

— Нет.

— Не-а. Бакуго просто внезапно сошел с ума и бросился на него!

— Нет.

— Но… но… хе, должно быть, готовился к этому! Вот почему! Этот ублюдок всегда так делал. Я знаю! — закричал Бакуго.

— Что он сделал, Бакуго? — спросил Каминари.

— Он… он… лез ко мне! Каждый день с тех пор, как перевелся в мою школу! Целых два года! — ответил Бакуго, дрожа от едва сдерживаемого гнева.

— О, правда? — сказал я: — И зачем мне вообще это делать?

— Почему ты! Ты… ты! Ты знаешь, почему! — сказал он, прекрасно понимая, что, если он расскажет им, он будет плохим парнем в этом сценарии. Не то чтобы он был против.

— Да. Но я хочу услышать это от тебя, — холодно сказал я.

Класс, заметив, что я изменил свое отношение к нему, стал допытываться дальше.

— Бакуго-кун? Что ты сделал? — спросила Урарака.

— Да. Похоже, это серьезная причина, — добавил Каминари.

—Мне рассказать им или ты сам? — я сделал ему последнее предупреждение.

— Делай, что хочешь, ублюдок! — огрызнулся он.

— Ну и ладно. Хотите знать, что он сделал? Он… — сказал я, когда Деку вмешался.

— Позволь мне сказать за себя, Хару-чан, — взмолился он.

— Конечно. Продолжай, — согласился я.

— Каччан был моим лучшим другом. До четырех лет мы вместе играли, вместе ели, даже купались. Потом, когда у Каччана проявилась причуда, и все стали его хвалить, ему его испортило. Он начал думать, что превосходит всех. Что все остальные - только статисты в его истории. Что ему суждено стать лучшим из лучших. А когда у меня не оказалось причуды, он счел меня ничтожеством. Он говорил, что я никогда не стану героем. 8 лет подряд он издевался надо мной. Выбрасывал мой обед. Сжигал мои домашние задания. Сбрасывал меня с лестницы. Вот почему он называет меня Деку. Это значит "никчемный", — сказал Деку.

— А школа ничего не делала. Потому что Каччан был звездным учеником с отличной причудой. Он был уверен, что попадет в UA и станет профессиональным героем. Поэтому они закрывали глаза на издевательства и даже помогали ему скрывать улики. Я был истощен, травмирован и почти морально мертв к тому времени, когда Хару-чан пришел в мою школу!

Деку трясло, когда он говорил: — Когда он впервые увидел меня, то не возненавидел и не стал презирать из-за отсутствия причуды. Он даже не позволил Каччану издеваться надо мной. Он сказал мне, что мое Деку не означает "бесполезный". Он сказал, что это значит "Ганбаретку"! Что я могу справиться! Он сказал мне, что я могу стать героем. Даже без моей причуды. Даже Всемогущий и моя собственная мать не верили в меня. Они говорили, что без причуды невозможно стать героем. Но только не Хару-чан. Он сказал, что поможет мне стать героем. И он помог. Последние два года он помогал мне тренироваться до такой степени, что я мог сражаться с Каччаном. Однажды я даже победил Каччана, — сказал Деку, слезы ярости текли у него из глаз: — То, до чего довел меня Каччан, во что он меня превратил, исправил Хару. Он впервые в жизни сказал мне, что я не бесполезен!

Вытирая слезы, он продолжил хриплым голосом: — И вот однажды Каччан снова сжег мои записи и выбросил их в окно. Качан сказал, что я должен покончить с собой и молиться, чтобы родиться заново с такой же причудой, как у него. Он сказал, что сам убьет меня, если я посмею явиться на экзамены в UA. Тогда Хару-чан разозлился. Я никогда не видел, чтобы он на кого-то злился, но в тот день и каждый последующий день Хару-чан злился на Каччана. Каждый день он замирал на месте и устраивал Каччану жестокую взбучку на глазах у всег класса. Вот почему Каччан боится Хару-чана. Поэтому он и напал на него, — закончил он.

— Это… ужасно. Вы не пытались сообщить об этом в полицию? — спросил аУрарака.

— Да. Но в школе сказали, что я лгу и обманываю Каччан. Тогда я сдался. До тех пор, пока… — сказал он, жестикулируя руками.

— Так вот оно что. Это и есть вся проблема? Остались еще пылкие речи или продолжим тест? — фыркнул Айзава-сенсей.

— Не-а. Вот и все, — небрежно сказал я.

— Тогда возвращайтесь к тестам. У нас нет времени на все это. Ах да, Бакуго? Встретимся в учительской после уроков. Нам нужно поговорить, — угрожающе сказал он.

Остальные тесты прошли, как и ожидалось. Каким-то образом Момо заняла первое место, прямо как в каноне. Как, черт возьми, это вообще произошло? Это как… Она не заняла первого

места ни в одном из индивидуальных тестов. Но в целом ее баллы были подсчитаны, что дало ей солидное преимущество перед всеми остальными.

Это какая-то логическая чушь из аниме!

В конечном счете, день закончился так, что никто не был исключен, даже Минета, занявший последнее место.

И это, на мой взгляд, было настоящей трагедией того дня.

Класс был слишком ошеломлен дневными открытиями, никто даже не протестовал против неразумности условий теста, и в воскресенье, предназначенное для ориентации, все вскоре разошлись по домам, каждый своей дорогой.

http://tl.rulate.ru/book/104483/3702354